

это туман, за которым не видно тех основных процессов, которые происходят в реформе.

Эдуард Беккер, юрист и финансист. <...>На мой взгляд, эту проблему можно было бы эффективно решить, если бы мы убрали дуализм нашей пенсионной системы. У нас сейчас существует закон о трудовых пенсиях, по которому считается пенсия 95% населения, и существует закон о государственном пенсионном обеспечении, по которому считается пенсия для госслужащих и ряда других категорий. Вот для госслужащих, при условии соблюдения определённых требований по стажу, получается коэффициент замещения от 40% до 75% от заработка. Вы сказали — 10% для обычных людей будет, сейчас 19%, а для государственных служащих, для большой довольно-таки части с хорошим стажем — коэффициент замещения от 45% до 75%. Естественно, у них нет никакого желания стараться для своих избирателей, когда для них существует отдельная, эксклюзивная пенсионная формула. Вот о чём важно говорить. Для нашего общества было бы очень полезно, если бы пенсионная формула была бы единой для всех — вне зависимости от профессии, вне зависимости от статуса.

Полная стенограмма дискуссии
на сайте Фонда Гайдара

<http://club.gaidarfund.ru/articles/1833>

МАРК ХАРРИСОН

Из цикла лекций Фонда
Гайдара об экономической
истории России XX века в
Политехническом музее

Профессор Харрисон — историк экономики, специализирующийся на советской экономике. Он стал одним из первых экономистов на Западе, работавший с российскими архивами практически сразу после распада Советского Союза. Его работы привнесли новое понимание российской и советской экономики в общепринятые взгляды экономистов и экономических историков. Текущая работа связана с политической экономикой советских секретных служб.

Марк Харрисон ранее возглавлял кафедру экономики в *University of Warwick*, в настоящее время участвует в исследованиях *Hoover Institution* при *Stanford University* и кафедры *East European Studies* в *University of Birmingham*.

В апреле 2012 Марк Харрисон (Mark Harrison), профессор кафедры экономики *University of Warwick* стал лауреатом **Российской Национальной премии по прикладной экономике** за свое исследование, которое заполнило пробел в ключевом периоде российской экономической истории: им была дана оценка показателей национальных счетов России в период 1913–1928 гг. Профессор Харрисон разделил успех премии с *Андреем Маркевичем*, профессором Российской экономической школы. Тема исследования — «Первая мировая война, Гражданская война и восстановление. Национальный доход России в 1913–1928 гг.» (Andrei Markevich,

СПОТЫКА -ЮЩИЙСЯ МЕДВЕДЬ, ПАРЯЩИЙ ДРАКОН:

Мог ли Советский Союз
пойти по китайскому пути?

Mark Harrison. «Great War, Civil War, and Recovery: Russia's National Income, 1913 to 1928» // *Journal of Economic History*, Vol. 71, Issue 03, 2011). Премия присуждена за воссоздание целостного статистического представления экономического развития России в начале XX века. Реконструированные данные восполняют существовавшие ранее пробелы в статистике и открывают возможность для дальнейшего исследования экономической политики государства в рассматриваемый период с применением современных методов анализа. Российская Национальная премия по прикладной экономике учреждена ведущими российскими учебными, исследовательскими и экспертными организациями в области экономики и присуждается раз в два года.

Харрисон: Я начну с судьбоносной встречи Михаила Горбачева и Дэн Сяопина в 1989 году. Эта встреча оказалась судьбоносной потому, что через три недели после отъезда на главной пекинской площади Тяньаньмэнь прошли массовые выступления молодежи. Они были весьма жестоко подавлены. Спустя полгода пала «берлинская стена». В тот момент Горбачёв был героем. Но, вероятно, он не мог предвидеть будущее — ни своё, ни страны, которую он возглавлял как генсек.

Вот картина эволюции двух экономик на протяжении довольно долгого периода — почти до сего дня. Вы можете чётко видеть, как русский «медведь» стал спотыкаться, а китайский «дракон» воспарил. Интересно, что на этом графике к 2010 году линии пересекаются. Это показатели ВВП на душу населения для двух территорий. Но я хочу подчеркнуть: это не нынешняя Россия, а вся территория бывшего СССР — и Китай. Ни один советский лидер — от Ленина до Горбачёва — не мог представить себе, что настанет день, когда Китай будет богаче, чем СССР. Также нужно сказать: Китай развивается такими темпами, что момент пересечения двух линий наступит в следующем году или уже в этом, в любом случае — очень скоро. Конечно, это то, чего нельзя было предвидеть.

Теперь я сравню реформы, происходившие в Китае и в СССР. Часто говорят, что преимущество Китая было в том, что сначала можно было провести эконо-

мические реформы, а политические оставить на потом. Но это не совсем так, потому что СССР сначала пытался провести экономические реформы, практически те же реформы, что и в Китае, но безуспешно. Вот что интересно и важно. Преимущество Китая, в первую очередь, было в том, что это Китай. Я ещё буду говорить о том, что имеется в виду. Но дорога, по которой пошел Китай, тогда была близка к дороге, которой шёл СССР, и сейчас путь Китая тоже близок тому пути, по которому идёт Россия.

Итак, что же такое «китайская модель»? Начну с того, что предлагают её сторонники, а затем расскажу, что есть на самом деле. Сторонники и защитники китайского варианта говорят, что первым источником преимуществ для Китая является *меритократия*. Это означает, что китайские лидеры могут пробиться к вершине власти, и этот процесс не будет замедлен процедурой демократических выборов. Второе преимущество — это *автократия*. Часто говорят, что в Китае существует эффективная автократия, при которой один лидер принимает решения и проводит их в жизнь без конфликтов между различными группами населения, без возникновения неизбежных финансовых тупиков (*fiscal gridlock*), которые так характерны для демократических режимов. Наконец, власти в Китае делают долгосрочные инвестиции в инфраструктуру, транспорт, отвечают общественному запросу, а не личным интересам верхушки.

Эти аргументы сами по себе не объясняют, как Китай справляется с главным вызовом современности — необходимостью последовательной политики реформ (*continuous policy reform*). Есть предел развития мирового производства, который, по мере совершенствования технологий и прогресса, всё больше отдаляется. И странам приходится постоянно реформировать свои институты и стратегии, чтобы соответствовать уже достигнутому уровню развития. Это можно представить так: простая задача — осуществить переход миллионов рабочих рук из низкоэффективного сельского хозяйства в высокоэффективное промышленное производство или в сферу услуг. Но это только первая стадия в процессе экономического развития. Дальше нужно сделать более сложные шаги: инвестировать в человеческий капитал и развивать соответствующие инновации. Первый шаг можно сделать безо всякого инновационного развития, за счёт использования уже существующих и проверенных технологий. Но чтобы поддерживать достигнутый уровень, всегда нужно развиваться дальше. В частности, реформы всё время должны преодолевать сопротивление

частных интересов. Вопрос в том: как Китай смог достичь этого?

То, как экономисты характеризуют китайскую систему, можно суммировать в выражении, которое проще сказать на русском, чем на английском: **регионально-децентрализованный авторитаризм** (*regionally decentralized authoritarianism, RDA*). Это можно объяснить так: **Китай — это одна страна, у которой 31 экономика**. Все эти экономики — это провинции Китая, которые больше интегрированы с глобальной экономикой, чем со своими соседями. Идея РДА в том, что при помощи системы отбора кадров китайские власти устроили соревнование между провинциями. Это соревнование и стало той силой, которая подняла большую часть Китая из нищеты. Эта идея исходит из того, как экономисты понимают, как следует управлять предприятиями. Сейчас я начну издаюла и объясню, как это связано с Китаем.

Традиционная модель крупного промышленного предприятия называется унитарной формой организации (*unitary form*). Её можно свести к трём функциям: закупки — производство — продажи. Предприятие имеет подразделение, которое поставляет продукт; подразделение, которое обрабатывает его, и подразделение, которое продаёт полученный новый продукт. Эти три функции дополняют друг друга, и предприятие не сможет работать, если исключить хоть одну из них. Менеджер по закупкам не соревнуется с менеджером по продажам, невозможно оценить, кто работает лучше, и следует вознаграждать всех по их способностям, ибо все делают одно общее дело.

Но в XX веке появились новые принципы организации производства. Вот пример. Идея многофилиальной компании (*multi-divisional form*) в том, чтобы создать конкурирующие друг с другом бренды в рамках одной компании. В качестве примера приведу *Proctor&Gamble* и три их бренда — «Тайд», «Жиллет» и «Дюрасел». Эти подразделения *Proctor&Gamble* не комплементарны, они соревнуются друг с другом. И преимущество в том, что можно увидеть, какое подразделение работает эффективнее, и наградить его менеджеров лучше, нежели менеджеров другого подразделения. И экономисты как раз и говорят о том, что китайская модель РДА делает экономику страны похожей на экономику многофилиального предприятия. Вместо подразделений — провинции. Возьмём для примера три: Женьшень, Шанхай и Шаньдун. Они соревнуются друг с другом, и элиты регионов несут ответственность за успехи и неудачи своей провинции. Центр может оценить эффективность каждого регионального руководителя и

вознаградить его соответственно. Структура китайского государства: 22 провинции, 5 автономных регионов, 4 муниципалитета в статусе провинций и т. д. Но важно обратить внимание на количество населения одной китайской провинции — это в среднем 45,7 млн в 2011 году, то есть масштаб отдельной крупной страны.

Внесу некоторые поправки в понятие РДА. Во-первых, децентрализация касается только экономики: центр жёстко контролирует кадры, и именно политическая централизация делает возможной экономическую децентрализацию. Руководители в провинциях не обладают полной свободой действий: центр либо поощряет, либо запрещает инициативы на местах. Далее: меритократия в Китае не является чистой. Не только показатели экономического роста, но и знакомства и связи руководителей являются показателем успеха региона. И в партийной карьере они имеют гораздо более важное значение. Связи и развитие комплементарны: если региональный лидер показывает хорошие результаты, но не имеет связей, то он высоко не продвинется; если он имеет связи, но не показывает результаты, ему также будет сложно; но если он имеет хорошие показатели и хорошие связи, то он поднимется. В-третьих, РДА не всегда производителен, он может быть и разрушительным. Это зависит от целей, которые центр определяет для провинций. Во время Большого скачка и Культурной революции целями были мобилизация и репрессии; РДА был «эффективен», но в очень плохом смысле: последствия оказались трагическими, погибли миллионы людей. По-настоящему производительным РДА стал тогда, когда Дэн Сяопин поставил провинциям цель обеспечить экономический рост.

Итак, **РДА — вот основа быстрого экономического роста Китая**. Коротко суммирую его суть: провинции реагируют на сравнительную оценку эффективности их действий центром; авторитаризм является столь же важным элементом РДА, как и децентрализация экономики; при этом сохраняется жёсткая централизация политической власти; эффективность оценивается и с экономической, и с политической точек зрения; эффективность РДА полностью зависит от того, какие задачи ставит перед регионами центр.

* * *

Теперь перейдём к Советскому Союзу. Многие говорят, что СССР — это пример того, как **не надо** проводить реформы. Но это не совсем так. Просто Горбачёв отдал предпочтение политическим, а отнюдь не экономическим реформам. Не случайно Дэн Жифань, сын Дэн Сяопина, сказал: «Мой отец считает, что Горбачёв

идиот». Дэн Сяопин отложил политическую реформу и поставил во главу угла экономику, тем самым он спас Китай. Еще в 1978 году Дэн провёл в жизнь политику «четырёх модернизаций» (в сельском хозяйстве, промышленности, науке и обороне). Когда наступил 1989 год, Дэн Сяопин сказал «нет» пятой модернизации — демократии, и в результате коммунистическая партия сохранила полноту власти и контроль над государством в целом. В этом и есть главное различие между китайским и советским вариантами.

Однако часто из виду упускают два важных момента. Во-первых, институты современного Китая очень сильно напоминают институты послесталинского СССР: «знакомства и связи» определяют возможность доступа к ресурсам, центр стоит выше закона, регионы удовлетворяют запросы центра, отправляя им только простейшие показатели экономического роста. Благополучие граждан в этой системе является просто случайным сопутствующим фактом, а не результатом целенаправленной политики. Во-вторых, часто забывают, что Горбачёв тоже пытался провести все те реформы, которые были сделаны в Китае. Причём делал он это в тот момент, когда в СССР и Восточной Европе воспринимали китайские реформы как пример для подражания. Иначе говоря, история советских реформ конца 1980-х гораздо больше похожа на китайский путь, чем принято считать.

Вот таблица, в которой сравниваются реформы институтов в двух странах. Обе страны прошли через коллективизацию, первую пятилетку, которая уничтожила частную собственность, через голод, спровоцированный продовольственной политикой государства. А затем в СССР было несколько попыток внедрить нечто очень похожее на китайскую систему семейной ответственности в сельском хозяйстве. В Советском Союзе это называлось «звено», и таких попыток было три. Был и период, когда Советский Союз пробовал вариант РДА — с 1957 по 1965 год, гораздо раньше, чем Китай. Похожие попытки были и в последние годы истории СССР. Почему же то, что сработало в Китае, так и не сработало в Советском Союзе?

Конечно, не может быть одного простого ответа на этот вопрос. Нельзя игнорировать большие различия в исходных условиях для Китая и СССР. Первое — это масштаб экономики, второе — изначальный уровень развития. Я буду говорить о том, как центр формулирует задания и цели для регионов, как центр оценивает эффективность регионов, самостоятельность регионов, и о том, имел ли РДА исторические корни в СССР и Китае.

Сравним показатели Китая, взятые за 1978 год (момент начала модернизации), а для СССР — за 1985 год (начало правления Горбачёва). В Китае народу было в три раза больше, но СССР был гораздо богаче Китая, и на этом я ещё сосредоточу своё внимание. Также видно, что Китай в тот момент всё ещё оставался аграрной страной, тогда как в СССР сельское население было уже не так велико. В экономике Китая государственные предприятия имели не столь большое значение, как в СССР. В Китае же на той стадии больше различных форм владения имуществом.

Теперь я поговорю о конструкции (*design*) политики государств. До 1957 и после 1965 года советская экономика управлялась как предприятие с унитарной формой организации. Существовало множество отраслевых министерств, но они дополняли друг друга, а не конкурировали, и невозможно было оценить, работает ли министр чёрной металлургии лучше, чем министр торговли или лёгкой промышленности.

В недавней работе Андрея Маркевича и Екатерины Журавской был сделан анализ хрущёвского периода, в который система единых промышленных производств была свёрнута, а полномочия были переданы 105 региональным совнархозам. Это фактически означало, что были введены РДА и оценка сравнительной эффективности разных регионов. Изменились ли показатели экономики? Некоторые регионы развивались, другие переживали стагнацию, в целом же экономический рост не ускорился. В 1964 году Хрущёв был смещён, а через год были упразднены совнархозы. Что же пошло не так, почему эта система не заработала? Соревнующиеся регионы должны были стать самостоятельными, они не должны были зависеть друг от друга. 105 совнархозов — это 105 маленьких регионов с населением около двух млн человек, а в Китае уже в 1964 году население провинции в среднем составляло 20 миллионов. Английский экономист Ноув приводит множество историй о том, как советские руководители в регионах улучшали свою сравнительную оценку за счёт соседних регионов, что вредило развитию каждого региона в отдельности. Эконометрический анализ Маркевича и Журавской показывает, что более независимые, многоотраслевые, самостоятельные регионы процветали за счёт узкоспециализированных соседей, совнархозов было слишком много, они были слишком мелкими, и всё это делало советский вариант РДА игрой, которая не стоила свеч.

Почему же всё было так плохо разработано и реализовано? Не было необходимости делить страну на 105 регионов, и уже в 1962 году совнархозы были

укрупнены, их стало 47 — шаг в верном направлении. Однако в среднем население в 4-5 млн на регион по-прежнему было недостаточным, и это только отсрочило неудачный конец реформы. Проблема заключалась в том, что у властей отсутствовала заинтересованность властей в проведении последовательных реформ. Я думаю, что причина этой нехватки желания и заинтересованности в том, как вообще советские лидеры понимали реформы. Они думали так: наша экономика почти совершенна, нужно только сделать ещё один шаг — и она станет идеальной. Эта идея была глубоко укоренена в политическом дискурсе. Исторически сложившиеся традиции также поддерживали эту убежденность советского руководства.

В XIX веке Российская империя практически не имела работающих государственных институтов. Роль губернаторов сводилась к тому, чтобы просто поддерживать и соблюдать установленный порядок. Советский режим несколько модернизировал эту систему: например, при Сталине регионы получали новые задачи от центра — региональные наряды на зерно или на аресты и депортации. Но такие задачи выполнить гораздо проще, чем организовать региональный экономический рост. И секретари обкомов даже не пытались ставить себе задачи по развитию экономики той или иной области.

Можно задаться вопросом: почему в Восточной Европе РДА также не дал результатов? Ведь если отдельная область в Советском Союзе была слишком мала, то страна Восточной Европы по размеру как раз была похожа на китайскую провинцию. При коммунистах каждая социалистическая европейская страна могла экспериментировать с экономическими моделями. Но мы не видим соревнования между восточноевропейскими странами. Не было и конкуренции кадров между разными странами, Москва не могла сказать: «У чешского лидера всё неплохо получается, давайте возьмём его в наше Политбюро». Для Москвы главной целью было не развитие и экономический успех союзников, а стабильность в регионе и военная взаимопомощь. Наконец, границы были закрыты, рабочая сила не могла перетекать из региона в регион, как это было в Китае, из одной страны в другую. Поэтому РДА не сработал не только в СССР, но и в соцстранах Восточной Европы.

Вернёмся к Китаю. Мы видим здесь традицию, сформировавшую предпосылки для создания РДА задолго до прихода коммунистов к власти. Еще в эпоху Цинь Китай управлялся меритократией при наличии централизованной политической власти и децентра-

лизованной экономики; управление осуществляли обученные и мотивированные кадры, а не закон. И на протяжении столетий границы китайских провинций не менялись. Кроме того, у Китая было большее желание проводить реформы. В XX веке произошли два кризиса легитимности, два момента, когда власти могли сказать: хватит, больше никаких реформ. Первый момент — после смерти Мао Цзэдуна, когда Китай был одной из беднейших стран мира, изолированной от других государств. Но реакцией были «четыре модернизации» Дэн Сяопина, развитие частного предпринимательства и деколлективизация сельского хозяйства. Это явно давало понять, что постоянные реформы продолжатся. А несколько лет спустя, в ответ на падение «берлинской стены», Дэн Сяопин в 1992 году совершает свою «Южную поездку», давая понять, что масштабные реформы будут продолжаться, и ответом на это становится бурное развитие частного сектора в Китае.

Итак, теперь мы поняли, как реально работает китайская модель. Остаётся ответить на два вопроса: можно ли скопировать эту модель и нужно ли это делать? Единственной страной в мире, которая по своим размерам может соперничать с Китаем, является Индия. Но в Индии существует многопартийная демократия, политическая власть не является централизованной, а также нет традиций и убеждений, на основе которых можно было бы строить РДА. Следующие по величине населения страны — это Индонезия и Бразилия. Численность их населения соответствует численности населения СССР в 1960-е, но обе страны также имеют развивающиеся демократические режимы. Для развивающихся стран, в том числе для небольших стран Азии и Африки, единственным результатом копирования китайской модели будет развитие авторитарного политического режима.

Следует ли вообще копировать такую модель? РДА является не единственным способом достижения быстрого экономического роста. Азия в XX веке продемонстрировала множество разных возможных путей. В азиатских странах с конфуцианскими традициями, как и в Китае, множество небольших экономик после Второй мировой войны политической стабильности в этих странах способствовали авторитарные режимы; затем последовал быстрый экономический рост, часто стимулируемый государством (можно вспомнить Южную Корею или Тайвань, где большую роль сыграл частный сектор); в итоге эти страны пришли к демократии мирным путём. Если мы говорим о Европе, то здесь распад СССР имел самые разные последствия. Некоторые страны обеднели, другие получили возможность встать

на путь рыночных реформ и демократии, и теперь в них уровень свобод выше, чем в Китае, а уровень жизни выше, чем в России.

Итак, был ли китайский путь открыт для Советского Союза? Благоприятных факторов было два: большое население и стремление к развитию. Но не было всего остального, что было в Китае: быстрого эффекта от первых реформ, исторической традиции поддержки РДА, понимания, что РДА для стимулирования экономики нужно длительно использовать, а также не было сильной политической воли для проведения последовательных реформ. К 1989 году командная система экономики в СССР исчерпала свой ресурс, власти испробовали всё, но ничто не помогло. Это был тупик, но мало кто это понимал. Я начал лекцию с рассказа о визите Горбачёва в Пекин в 1989 году. В 2013 президент Китая едет с первым официальным визитом в Россию. Вопрос в том, как относится президент В.В. Путин к китайскому варианту развития?

Вопрос: У меня вопрос, касающийся ситуации в экономике Китая сегодня. Вы говорили, что каждая китайская провинция больше интегрирована с мировой торговлей, чем с соседними регионами, но сейчас мы видим сокращение производства в Китае, и власти пытаются компенсировать это стимулированием внутреннего спроса. Будет ли РДА работать в таких условиях?

Харрисон: Очень интересный вопрос. Экономика Китая своим ростом обязана экспорту. Уровень потребления в Китае — один из самых низких в мире. Вы правы, сейчас проблема Китая в том, что идёт замедление глобального экономического роста. Я считаю, что китайская модель в целом сохраняет свою жизнеспособность, но есть целый ряд рисков. Надо понимать, что китайская экономика — это не совсем свободная рыночная экономика. Китайский предприниматель получает свободу развивать производство и продавать товары, только если он доказывает свою лояльность режиму, если власти и партия доверяют этому предпринимателю. В нынешних условиях замедление глобального экономического роста стимулирует ориентацию местных производителей на внутренний спрос. Степень монополизма, в том числе внутри провинций, во многом смягчается и ограничивается ориентацией на экспорт, который оказывает дисциплинирующее влияние на китайские компании. И ориентация на повышение спроса внутри провинций может иметь негативное воздействие, ослабить это смягчающее влияние со стороны экспорта. Результатом может быть усиление тенденций, которые характерны для монополистически организованной экономики: ориентация

на получение ренты и дополнительных прибылей за счёт регионального монополизма.

Вопрос: У меня такое мнение, что экономику без политики и политику без экономики рассматривать невозможно. Если по времени одно совместить с другим, то мы увидим, что элиты, которые управляют государством, одни — ничего не боятся (это китайцы), а другие очень опасаются внешних факторов. Например, Индира Ганди была застрелена, Улоф Пальме, который в Швеции три или четыре раза избирался премьер-министром, тоже был убит, было ещё немало примеров. В Советском Союзе даже была шутка, что единицей времени должен быть один генсек, примерно равный одному году. Мне кажется, что если посмотреть на те времена, то Горбачёв очень сильно чего-то боялся. Вопрос в том, чего мог опасаться Горбачёва?

Харрисон: Я не могу дать прямой и определённый ответ, но думаю, Горбачёв боялся войти в историю как ещё один диктатор, ещё один репрессивный правитель. Не думаю, что китайские лидеры ничего не боятся, полагаю, они даже очень боятся появления массового недовольства и предпринимают усилия, чтобы избежать этого. Но важнее не страх, а оптимизм или пессимизм режима. Пессимистически настроенный режим либо сдаётся, либо начинает войну. Пример такого режима, который выбрал войну, это Северная Корея, а у Горбачёва был единственный выбор — сдаться. В этом плане китайские лидеры настроены оптимистично, они считают, что история на их стороне, и им не надо совершать неразумные поступки и действия.

Вопрос: Насколько я понял из вашей лекции, власть в Китае разделяется на экономическую и политическую, существуют две разные элиты. Меня интересует, как в Китае удалось сделать так, что эти элиты не конкурируют между собой. Ведь интересы крупного бизнеса всегда состоят в том, чтобы стоять у власти и подстраивать её под свои интересы.

Харрисон: Я хотел бы повторить то, что уже говорил: в Китае, чтобы вести бизнес, нужно демонстрировать лояльность коммунистическому режиму. И экономическая элита выражает согласие с тем, что говорит и делает политическая элита. Но я не согласен с тем, что бизнес-элита всегда жаждет пробиться к власти, я считаю, что единственное, чего она хочет, — это чтобы ей дали спокойно вести бизнес. Множество различных примеров — Китай, США, Германия... Есть много разных способов, как бизнесу ужиться с политической элитой. В капиталистической экономике бизнес и политика разделяются, хотя между ними и есть связи. В Китае я вижу общество, в котором по-

литическая и экономическая элита чётко соблюдают правила игры.

Вопрос: Вы отметили, что в некоторых восточно-европейских странах сейчас уровень жизни выше, чем в странах бывшего СССР. В каких странах это так, а в каких — нет? И ещё один вопрос: что вы думаете о последних случаях назначения бывших оппозиционеров в России и Китае на посты региональных управленцев? Это тренд, и к чему это может привести?

Харрисон: На первый вопрос я отвечаю, не приводя цифры, которые я забыл, хотя 20 лет назад помнил наизусть все выкладки. Но вы можете написать мне, и я обязательно их приведу. Речь не только об экономике, но и о политических выборах. Идея присоединиться к Евросоюзу, которая десять лет назад казалась отличным выбором, теперь уже таковой не кажется. Но здесь нужны цифры и более детальный ответ, который я могу вам дать в переписке по e-mail.

Ваш второй вопрос, насколько я понял, касается политического протеста и отношения к нему в Китае и в России. Китай тратит огромные средства на предотвращение протеста при помощи контроля над СМИ и Интернетом. И эти меры очень успешны, достигается политическая и социальная стабильность. Но вот в чём риск. Когда возникают проблемы на местном уровне, китайские власти часто говорят: хорошо, мы проведём эксперимент по внедрению демократии на региональном уровне. Но есть уровень выше, на котором региональные правители очень чётко ориентированы на верхний эшелон власти. А демократия снизу приведёт к тому, что будут появляться и лидеры снизу. Этим процессом очень сложно управлять, но управлять всё же придётся. В китайской экономике сейчас множество проблем, связанных с экологией, и китайским лидерам придётся найти способ, как прислушаться к мнению населения. Я не знаю, каким образом они решат эту проблему, но им придётся её решать. В России происходят похожие вещи, здесь это тоже проблема. Их также можно решить путём демократизации или путём усугубления авторитаризма без разрушения существующего режима.

Вопрос: Во-первых, я всё-таки сомневаюсь, что соревнование провинций в Китае играет такую большую роль. Насколько мне известно, локомотивами развития были всё-таки специальные экономические зоны, которые были не в каждой провинции, и развитие провинций до сих пор весьма неравномерно, хотя, конечно, его нельзя сравнить с неравномерностью развития областей в Советском Союзе. И второе: вы прекрасно показали в своей лекции, что изначальные

условия в СССР и Китае были очень разными. Но можно привести аналогичный период в развитии Советского Союза — это период первой пятилетки. Такое же соотношение городского и сельского населения, уровня жизни, и тогда успехи были, возможно, даже больше, чем в Китае, хотя в Китае они помножены на инвестиции из-за рубежа и открытые рынки.

Харрисон: Вы правы насчёт специальных экономических зон, это ещё одна причина быстрого роста китайской экономики. Я думаю, очевидно, что корни этого ещё в периоде до революции в Китае, когда западные империи получали коммерческую выгоду в таких местах, как Гонконг, Шанхай, которые теперь являются флагманами развития Китая. Я думаю, было бы невозможно не использовать преимущества специальных экономических зон, и Дэн Сяопин одобрил этот эксперимент и решил скопировать эту модель в других провинциях Китая.

Что же касается СССР в 1930-е, я бы сразу сказал, что уже тогда советская экономика была богаче, чем китайская в 1970-е. Однако рост советской экономики в тот период был ниже, чем считается, вследствие разрушения большей части сельскохозяйственного рынка. Огромное количество людей переселилось из более бедной сельской местности в более богатые города. Среднее потребление увеличилось, потому что случилось это переселение. Рост в 1930-е был не очень хорошим, и в целом максимальный рост в довоенном СССР был зафиксирован в 1934–1936 годы.

Вопрос: ...Есть ощущение, что в последние десятилетия страны с либеральной экономикой развиваются преимущественно за счёт искусственного стимулирования потребления. Но сейчас сложилась ситуация, когда домохозяйства закредитованы, компании закредитованы и государства закредитованы по максимуму. Таким образом, драйвер для роста за счёт стимулирования потребления исчерпан. Как вы оцениваете возможность для США выйти из этой ситуации, применив китайскую модель РДА?

Харрисон: Не думаю, что американцы не способны поменять свою модель экономики. Сценарий, который вы предлагаете, кажется мне невозможным. Однако я бы поместил это в контекст всего XX века. Главные проблемы западные экономики пережили в 1930-е: Великая депрессия, безработица, медленный рост. Не думаю, что рост западных экономик до 2007 года был иллюзией. Нужно помнить, что рост потребления в США в 1990-е был не больше, чем до этого, это постоянный равномерный рост. Если посмотреть на рост на Западе с 1970 года до наших дней, это просто стабиль-

ный рост. Конечно, это показывает волатильность: ведь была Великая депрессия, Первая мировая война до неё и Вторая мировая война после, но в долгосрочной перспективе их последствий не видно. Мы должны помнить не об экономических последствиях этого периода, а о политических, которые были ужасающими. Первая мировая война дала миру коммунизм, 1930-е — фашизм, вместе они привели ко Второй мировой войне. Политические последствия были куда более значимыми, нежели экономические, и именно об этом я думаю, когда речь идёт о 1930-х годах.

Вопрос: Как вы считаете, можно ли поставить точку и чётко сказать, что никаких шансов у Советского Союза пойти по китайскому пути не было? Потому что у меня были друзья, они ещё в 1979 году большой делегацией под руководством академика Иноземцева съездили в Китай, реформы шли уже полтора-два года, материалы дали к XXVI съезду партии, но на этом съезде вообще не упоминалось о Китае и его развитии. Не знаю, было ли это случайностью или руководство уже тогда решило, что никакого китайского пути быть не может. У вас были таблицы, но тут главная тема — децентрализация. Во-первых, ВПК — 70% промышленности, которые реформировать было никак нельзя; «сырьевое проклятие» и неравномерность (регионы с нефтью, бедные регионы в центре), так что никакого соперничества организовать было нельзя, если только под сильным воздействием центральной власти. И, конечно третье — это союзные республики, руководители которых уже тогда говорили, что надо положить мораторий на расхождение республик на 10–15 лет, что нужен руководитель типа Берию, у которого якобы были планы либерального развития экономики именно по китайскому пути. Ну и Запад сильно влиял, ему было нужно, чтобы отошли прибалтийские республики, кавказские... Был ли шанс, имея в виду качество элиты, качество верховного руководства, которое, кажется, уже полностью деградировало, и качество населения, которое при демократии не жило никогда, в отличие от Восточной Европы, — можно ли считать, что в этих условиях тот путь, который мы прошли, был оптимальным и его скорее можно назвать чудом, нежели провалом?

Харрисон: Спасибо за эту информацию. Вы сделали акцент на том аспекте, которого я не учёл, — на этническом составе населения, который в Китае был более гомогенным. Если я правильно понял вопрос, он состоит в том, выбрал ли Советский Союз лучший из возможных путей? Я не думаю, что оптимизация — это вообще характерно для политики. Сложно представить, чтобы всё пошло как-то по-другому. Когда Горбачёв пришёл к мысли о том, что мешает политика и что нужно забрать власть из рук партии и убрать КПСС из политики, он уничтожил систему, которая вообще могла проводить какую-либо политику. Мартин Гилман писал, что у постсоветских правительств был довольно ограниченный выбор стратегии и политики, потому что у них не было инструментов для претворения их в жизнь. Я видел это сам в России, я чувствовал, что непонятно, как сделать лучше.

Вопрос: Спасибо большое за лекцию. Говорят, что любой политический режим не идеален. Не думаете ли вы, что сейчас нужно как-то реформировать РДА, чтобы вообще существовать дальше?

Харрисон: Думаю, ответ «да». Система РДА имеет важные риски. Во-первых, китайский режим может стать самодовольным и удовлетворённым низкими достижениями, экономика переживёт стагнацию и погрязнет в коррупции. Во-вторых, есть потенциальная ловушка конфликтов: если проблемы китайской экономики будут усугубляться и режим потеряет оптимизм, о котором я говорил, им придётся разыграть военную карту и начать конфликт с Японией, Южной Кореей или Вьетнамом по поводу спорных территорий.

Проблема реформ сверху в том, что любая власть, которая настолько сильна, что может их провести, всегда может блокировать эти реформы.

Чтобы стать богатой страной, нужно сформировать открытое общество, а в Китае такого общества нет. Это очень сложная задача, которую предстоит решить китайскому правительству.

С благодарностью Фонду Гайдара, Андрею Маркевичу, Илье Венвину и моему соавтору Дебин Ма.

■ □ ■